

Р. 03
А. П. РУДАКОВЪ

приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго Университета, дѣйств. членъ
Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, дѣйств. членъ
Тульской Губернской Архивной Комисси.

ТУЛЬСКІЙ КРЕМЛЬ.

(СТРАНИЧКА ИЗЪ ТУЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ).

63,3 (2 Рсс - ИТЧЛ) - 22

P83

А. П. РУДАКОВЪ

привать-доцентъ Императорскаго Московскаго Университета, дѣйств. членъ
Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, дѣйств. членъ
Тульской Губернской Архивной Комиссiи.

ТУЛЬСКІЙ КРЕМЛЬ.

(СТРАНИЧКА ИЗЪ ТУЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ).

Тульскій Кремль.

Какъ часто занятая своими будничными интересами и заботами публика проходитъ равнодушно мимо замѣчательныхъ памятниковъ старины, не зная и не подозрѣвая ни ихъ глубокой древности, ни ихъ историческаго значенія; не чувствуя ихъ своеобразной вѣющей отдаленнымъ прошлымъ красоты; не обращая вниманія на ихъ варварское обезображеніе. Повидимому. таково уже свойство человѣческой природы, что привычное сосѣдство съ замѣчательнымъ предметомъ дѣлаетъ его малоинтереснымъ и даже малозамѣчаемымъ. Нужно чтобы кто-нибудь со стороны пришелъ и „открылъ“ памятникъ, указалъ людямъ на вѣковую древность, погибающую у нихъ подъ рукой, обратилъ на нее общее вниманіе,—чтобы ею стали интересоваться, чтобы на нее начали смотрѣть не только какъ на намозолившую глаза ненужную вещь, а какъ на предметъ достойный долгаго вдумчиваго и любовнаго созерцанія.

Многіе ли изъ туляковъ, ежедневно проходящихъ подъ арками воротъ своего Кремля, толпящихся на базарѣ подъ его башней или гуляющихъ подъ его стѣнами въ Кремлевскомъ саду, обращали вниманіе на это древнее грандіозное сооруженіе; многіе ли давали себѣ трудъ остановиться и полюбоваться его массивными башнями, смотрящими куда-то черными впадинами своихъ бойницъ; его зубцами, пронизанными грозными амбразурами; нишами и арками его стройно вытянувшихся стѣнъ, до сихъ поръ пощаженныхъ рукою времени; многіе ли знаютъ объ исторической и архитектурной цѣнности тульскаго Кремля; многимъ ли извѣстенъ, наконецъ, самый возрастъ этихъ сооруженій, нѣкогда столь вѣрно и крѣпко ограждавшихъ Тулу!

Это равнодушіе къ родному Кремлю со стороны мѣстной, даже болѣе или менѣе интеллигентной публики еще лишній разъ свидѣтельствуесть о большой культурной отсталости нашей провинціи объ отсутствіи у большинства провинціальныхъ дѣятелей пониманія, что любовь къ старинѣ, уваженіе къ традиціи, благоговѣйное отношеніе ко всякаго рода памятникамъ прошлаго есть первое и неизбѣжное условіе высшей культуры. Эта заброшенность тульского Кремля лишній разъ говорить намъ о томъ, какъ печально положеніе остатковъ родной старины въ Россіи, гдѣ они массами гибнуть и отъ наивнаго вандализма массъ и отъ самоувѣреннаго варварства ихъ полуобразованныхъ и тѣмъ болѣе опасныхъ, утилитарно настроенныхъ руководителей.

Невниманіе и небреженіе, проявленное мѣстнымъ обществомъ по отношенію къ тульскому Кремлю, тѣмъ болѣе паразитально что Тула, вообще очень бѣдная памятниками старинной архитектуры, должна была бы особенно заботиться о сохраненіи того, что имѣется у нея.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ каменныхъ церквей XVII-го вѣка въ Тулѣ уцѣлѣло только три (Похвалы Богородицы на Архіерейскомъ дворѣ, Благовѣщенія и Воскресенія на Оружейномъ заводѣ); всѣ остальные храмы Тулы возникли не ранѣе XVIII вѣка. Правительственныя и частныя зданія въ Тулѣ за исключеніемъ двухъ палатъ елизаветинской эпохи (въ однѣхъ изъ которыхъ помѣщается мужская классическая гимназія, а другія, представляющія по своей красотѣ настоящей дворецъ, но страшно обезображенныя и загрязненныя стоятъ во дворѣ городской Думы), всѣ построены не ранѣе 1779-го года, когда была произведена существующая распланировка города и воздвигнуты корпуса присутственныхъ мѣстъ.

Тѣмъ болѣе цѣннымъ является поэтому единственный подлинный памятникъ древняго зодчества въ Тулѣ—ея Кремль. Его стѣнамъ и башнямъ въ настоящее время исполняется четыреста лѣтъ: Съ ними тѣсно связана вся исторія Тулы; онѣ представляютъ живую память всѣхъ тревоженій, которыя нѣкогда переживалъ этотъ городъ; онѣ являются его священнымъ палладіумомъ; онѣ понынѣ, когда давно уже миновали старинныя тяжелыя години, какъ бы продолжаютъ хранить его и говорить обывателямъ о томъ, какъ твердо и мужественно ихъ предки стояли нѣкогда за обще-русское

дѣло. Подумать только, чего не видѣлъ этотъ Кремль! Какая смѣна жизни прошла передъ нимъ, какъ разнятся время и люди создавшіе его отъ тѣхъ, кто смотритъ теперь на эти каменные громады, кто любитъся ими, или кто меркантильно высчитываетъ пользу, какую могли бы принести ихъ камни и кирпичи!

Четыре столѣтія глядятъ изъ мрачныхъ таинственныхъ бойницъ на шумную торгующую или гуляющую подъ нимъ публику. Много думъ навѣваютъ красивые силуэты величественныхъ молчаливыхъ башенъ, ясно и нѣжно вырисовывающіеся на мирномъ вечернемъ небѣ въ тихій часъ сумерокъ. Какъ изящны эти стройные четкіе ряды зубцовъ; какъ своеобразно прекрасны эти вывѣтрившіеся мшистые камни, такъ просто и могуче уложенные художественно неправильными рядами; какую прелестью вѣетъ отъ этихъ густыхъ пахучихъ травъ, покрывающихъ всѣ расщелины и верхи стѣнъ; отъ этихъ, дышащихъ вѣковой сыростью лѣстницъ перекрытыхъ двухаршинными каменными глыбами, отъ этихъ прохладныхъ погребовъ, куда такъ сине и нѣжно изъ-за горячихъ кирпичныхъ тоновъ стѣнъ и зубцовъ заглядываетъ ясное лѣтнее небо!

Въ то время, когда создавался тульскій Кремль на мѣстѣ современной Тулы существовалъ лишь небольшой поселокъ съ какою-нибудь сотней, другой населенія. Сама Россія представляла тогда еще только недавно сплоченное собраніе большихъ и малыхъ княжествъ, съ Великимъ Княземъ Московскимъ во главѣ. Этотъ послѣдній лишь въ рѣдкихъ, особенно торжественныхъ случаяхъ рѣшался называть себя царемъ. Его государство на югъ простиралось всего лишь до рѣки Оки и ея притоковъ, и Тула маленькій городокъ на Упѣ, существовавшей, м. б., еще съ XI-го вѣка, лежалъ какъ разъ на самой опасной окраинѣ Московскаго Княжества. Русская земля, только что въ концѣ XV-го вѣка освободившаяся отъ унижительнаго ига Золотой Орды, въ началѣ XVI столѣтія снова стояла лицомъ къ лицу съ грозною опасностью. Съ юга ея границы чуть-ли не ежегодно беспокоили набѣги крымскихъ татаръ, истреблявшихъ все на своемъ пути и уводившихъ тысячи плѣнныхъ; съ востока нападали казанскіе татары; съ запада надвигалась могущественная Литва. Первою заботой Московскаго Государя было укрѣпленіе сво-

ихъ границъ цѣлымъ рядомъ крѣпостей, городовъ и городищъ.

Князь Иванъ Васильевичъ III построилъ московскій Кремль, его сынъ Василій Ивановичъ III окружилъ стѣнами Тулу, Коломну, Каширу и Нижній-Новгородъ,—города, стоявшіе по тогдашней южной и юго-восточной границѣ московскаго государства. Среди этихъ городовъ Тула, предназначенная защищать теченіе рѣкъ Упы и средней Оки, занимала чуть ли не первое мѣсто по своей стратегической важности; уже съ XII вѣка на мѣстѣ нынѣшняго Оружейнаго завода въ ней существовало городище, обнесенное дубовымъ частоколомъ. Василию III оставалось только сильнѣе укрѣпить тульскій городокъ, являвшійся въ его время сборнымъ пунктомъ сосѣднихъ войскъ, оберегавшихъ южную окраину. И вотъ, въ 1509 году, въ самый разгаръ Смоленскихъ походовъ, какъ читаемъ въ лѣтописи (Воскресенской), „повелѣніемъ великаго князя Василя Ивановича поставленъ городъ на Тулѣ деревянь, а на пятое лѣто, (послѣ 1509 г., т. е. въ 1514 г.) поставиша градъ камень. Черезъ шесть лѣтъ, подь 1521 годомъ, читаемъ снова: „того же лѣта свершиша городъ на Тулѣ камень“

Такимъ образомъ послѣдъ другъ за другомъ въ Тулѣ были воздвигнуты двѣ крѣпости. Первая—дубовая, шла по берегу рѣки на мѣстѣ нижняго Кремлевскаго сада, проходила черезъ современный базаръ вплоть до церкви Срѣтенія, загибала здѣсь влѣво и шла по Посольской улицѣ до начала Ворожежской ул., затѣмъ круто поворачивала къ рѣкѣ и упиралась въ нее гдѣ-то въ районѣ Старо-Никитскаго переулка. Къ этой дубовой стѣнѣ около церкви муч. Никиты примыкалъ потомъ въ XVII вѣкѣ земляной валъ—Завитай, продолжавшійся затѣмъ по Кіевскому шоссе и переходившій въ лѣсныя засѣки. Эта дубовая, рубленая въ двѣ стѣны съ башнями и воротами крѣпость была разобрана только въ 1730 году. Внутри ея, близко примыкая къ рѣкѣ, была поставлена крѣпость каменная, т. е. тотъ самый Кремль, который существуетъ и понынѣ.

Этотъ Кремль является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ старинной крѣпостной архитектуры, который въ теченіе четырехъ столѣтій въ общихъ чертахъ сохранилъ свой первоначальный видъ и какъ таковой обладаетъ, большой

археологической цѣнностью. Интересъ къ нему значительно повышень еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Кремль, украшающій центръ Тулы, этого русскаго провинціального города, является въ сущности живымъ отголоскомъ великаго архитектурнаго искусства среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Есть много основаній думать, что тульскій Кремль былъ построенъ, однимъ изъ тѣхъ иностранныхъ (т. е. главнымъ образомъ итальянскихъ) зодчихъ, которыхъ неустанно выписывали изъ-за границы Иванъ III и Василій III, и которые въ концѣ XV в. соорудили московскій Кремль; въ 1500-1508 гг.—Нижегородскій Кремль; въ 1525-1530 гг. Коломенскій Кремль; въ 1534-1538 гг.—московскую Китай-городскую стѣну. Трудности, которыя пришлось преодолѣвать строителямъ тульскаго Кремля, были настолько значительны, что съ ними едва-ли могли бы справиться русскіе мастера, еще не строившіе въ это время ничего, кромѣ небольшихъ церквей. Тульскій Кремль построенъ на самомъ берегу рѣки на зыбкомъ грунтѣ и почвѣ, насквозь пропитанною водою; въ болотистой мѣстности, которая (какъ и вся городская сторона Тулы вплоть до Площадной ул.) еще въ началѣ XIX столѣтія изобиловала трясиными и топями, гдѣ безнадежно тонули и дома и цѣлыя мостовыя. Между тѣмъ строители Кремля были до такой степени опыты въ дѣлѣ разчета глубины и формы фундамента, что ихъ сооруженіе не только не пошатнулось, но нигдѣ даже не уклонилось сколько-нибудь замѣтно отъ вертикальной и горизонтальной линій. Только тѣмъ обстоятельствомъ что тульскій Кремль, подобно московскому, имѣетъ чрезвычайно глубокой (м. б. до 4 саженой) фундаментъ, въ основѣ котораго находятся еще дубовыя сваи или брусья-лежни, объясняется поразительная устойчивость сооруженія.

Кромѣ этихъ общихъ соображеній въ пользу мнѣнія, что тульскій Кремль построенъ иностранными инженерами, говорятъ самыя архитектурныя особенности, которыя роднятъ его не только съ одновременными крѣпостями въ Россіи, воздвигнутыми итальянскими зодчими, но и съ настоящими итальянскими крѣпостями и замками XV и XVI вв. Особенности бѣлокаменной кладки, напоминающей кладку древне-римскихъ зданій, по которымъ учились строить итальянскіе инженеры эпохи Возрожденія, примѣненіе при постройкѣ бѣлаго камня (песчаника) и кирпича вмѣстѣ; общій планъ Кремля, распо-

ложеиіе башенъ, форма перекрытій и бойницъ, гармоничный силуеть башенъ и стѣнъ, навѣсныя бойницы (машикули), столь типичныя для итальянскихъ кремлей,—все это дѣлаетъ изъ заброшенной тульской крѣпости вѣрное повтореніе сѣверо-итальянскихъ замковъ, все заставляетъ глазъ съ особенною любовью созерцать его своеобразную суровую красоту.

Тульскій Кремль, если не ошибаюсь, не имѣетъ себѣ соперниковъ въ Россіи въ смыслѣ единства и цѣльности впечатлѣнія, производимаго его конструкціей. Выработывавшему его планъ архитектору не приходилось считаться съ неровностями почвы и изгибать по нимъ линіи стѣнъ, дѣлая периметръ крѣпости многоугольникомъ, подобно московскому или нижегородскому кремлямъ. Кремль Тулы имѣетъ видъ прямоугольнаго городка съ строго горизонтальными линіями стѣнъ и симметричнымъ расположеніемъ башенъ. Онъ позволяетъ глазу охватить его и любоваться имъ издали какъ органически цѣльнымъ сооруженіемъ, и въ этомъ отношеніи приближается, насколько могу судить, къ замку Сфорцы въ Миланѣ (Castello Sforcesca). Внутренняя длина сторонъ четырехугольника, образованнаго стѣнами Кремля, составляетъ (идя отъ угловой Спасской башни): $137\frac{3}{4}$; $92\frac{9}{10}$; $139\frac{1}{2}$ и $96\frac{1}{2}$ саженьей, а общая длина стѣнъ, измѣряемая съ наружной стороны ихъ, равна—верстѣ. Его углы, тоже начиная отъ Спасской башни, равняются: $89^{\circ}1'$; $92^{\circ}27'$; $88^{\circ}47'$ и $89^{\circ}35'$. Площадь Кремля внутри стѣнъ заключаетъ 13110 квадр. саженьей, или $5\frac{1}{2}$ десятинъ. Эта почти прямоугольная крѣпость снабжена девятью башнями, изъ которыхъ четыре круглыя находятся на углахъ, а пять другихъ, прямоугольныя, симметрично раздѣляютъ стороны прямоугольника на девять участковъ стѣнъ или *прясель*. Изъ промежуточныхъ башенъ четыре снабжены воротами, а пятая является глухой. Названія девяти башенъ Кремля слѣдующія. Западная угловая башня—та, которая выходитъ къ церкви Воздвиженія, называется въ документахъ XVI и XVII вѣковъ—Спасской башней. Идя отъ нея по направленію къ Кіевской улицѣ, мы подходимъ (на срединѣ большой стороны прямоугольника) къ Одоевскимъ воротамъ, выходящимъ на Кіевскую (а раньше на Одоевскую) дорогу. Башня этихъ воротъ имѣетъ куполообразную вышку со шпилемъ и орломъ, надстроенную при Екатеринѣ II. Спустившись затѣмъ въ Кремлевскій садъ

и идя мимо Дѣвичьяго монастыря, мы подойдемъ къ южной угловой башнѣ Кремля—Никитской. Повернувъ затѣмъ на лѣво, мы приблизимся къ Никитскимъ воротамъ, стоящимъ какъ разъ посрединѣ юго-восточной стороны прямоугольника и выходящимъ на Почтовую улицу. Идя по Кремлевскому саду дальше, подойдемъ къ восточной угловой башнѣ (напротивъ фонтана въ саду)—Ивановской. Повернувъ снова на лѣво и идя вдоль рѣки, увидимъ во дворѣ ресторана массивную четырех-угольную — „Башню на погребу“, или „Башню у малыхъ воротецъ“, — Эти малые воротца, представляющія калитку въ стѣнѣ у самой башни по лѣвую сторону ея, снаружи совершенно застроены надворными сараями ресторана и до половины завалены отбросами и куринымъ пометомъ. Наоборотъ, извнутри Кремля (по правую сторону башни) эти воротца прекрасно видны. Идя отъ „Башни на погребу“ къ Кривому мосту, подойдемъ къ Водянымъ воротамъ, названнымъ такъ вѣроятно потому, что черезъ нихъ постоянно выходилъ изъ Кремля Крестный Ходъ на рѣку. („на воду,“). Идя далѣе по базару, увидимъ сѣверную угловую башню, упирающуюся въ церковь Казанской Богоматери. Эта башня носила названіе „Наугольной къ рѣкѣ“, т. к. здѣсь Кремль нѣкогда ближе всего подходилъ къ рѣкѣ. Повернувъ отъ наугольной башни на лѣво и опять идя по базару, выйдемъ къ Пятницкимъ воротамъ, напротивъ Пятницкой улицы, а идя затѣмъ вдоль рядовъ, подойдемъ къ той же Спасской башнѣ, съ которой начали свой обходъ Кремля.

Весь этотъ прямоугольникъ стѣнъ и башенъ въ смыслѣ архитектурныхъ особенностей можетъ быть разбитъ на двѣ половины линіей, идущей приблизительно съ юга на сѣверъ: отъ Никитской угловой башни до башни Наугольной къ рѣкѣ: Восточная половина Кремля т. е. башни Никитскихъ воротъ, Ивановская, башня на погребу, Водяныя ворота и башня Наугольная, равно какъ и прясла стѣнъ между ними, отличается большей толщиной стѣнъ, большей массивностью башенъ и большимъ примѣненіемъ бѣлаго камня, изъ котораго стѣны и башни выведены на двѣ трети, а мѣстами и на три четверти. Чувствуется, что строитель считался съ наибольшей опасностью именно съ этой стороны, гдѣ стѣна деревянной крѣпости со стороны рѣки шла почти рядомъ съ каменной и гдѣ непріятель съ близкаго противоположнаго берега могъ

особенно удобно громить Кремль. Стѣны, обращенныя къ рѣкѣ и Архіерейскому двору имѣютъ поэтому толщину въ $4\frac{1}{2}$ аршина и почти до самыхъ зубцовъ сложены изъ бѣлаго камня; наоборотъ, противоположныя участки стѣнъ, гдѣ деревянная стѣна преграждала доступъ къ Кремлю на разстояніи Посольской ул. имѣютъ толщину только въ 4 аршина, выложены всѣ изъ кирпича и облицованы камнемъ лишь снаружи на небольшую высоту. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно башенъ (Никитскихъ воротъ, Ивановской, Башня на погребу, Водяныхъ воротъ и Наугольной къ рѣкѣ.), которыя гораздо массивнѣе чѣмъ угловыя башни Спасская и Никитская и башни Одоевскихъ и Пятницкихъ воротъ. Наконецъ, на намѣреніе строителя по возможности лучше защитить сѣверо-восточную сторону Кремля указываетъ и то обстоятельство, что эта сторона прямоугольника имѣетъ посрединѣ двѣ башни: Водяныя ворота и Башню на погребу, тогда какъ противная сторона, прерывается въ срединѣ только одной башней—Одоевскими воротами. Впрочемъ, особенности въ конструкціи стѣнъ и башенъ названныхъ половинъ Кремля, равно какъ и различная форма зубцовъ и бойницъ пяточного боя не очень рѣзко бросятся въ глаза наблюдателю, и основной принципъ постройки остается тотъ же самый.

Попробуемъ мысленно удалить землю, которая съ теченіемъ вѣковъ занесла Кремль изнутри и снаружи, которая засыпала стѣны и башни со стороны Менделѣвской улицы мѣстами на 2 аршина, и завалила изнутри почти всѣ участки стѣнъ на $1-1\frac{1}{2}$ аршина, т. ч. нормальный уровень почвы снаружи Кремля сохранился лишь со стороны Нижняго Кремлевскаго сада отъ Никитскихъ до Водяныхъ воротъ. Произведя такую воображаемую раскопку основанія Кремля, увидимъ что его стѣны стоятъ на очень глубокомъ фундаментѣ, въ вѣ двѣ сажени шириной. Начиная съ фундамента и до высоты въ $1\frac{1}{2}$ сажени наружная поверхность стѣнъ наклоняется внутрь на 22° , образуя такимъ образомъ цокольный контрфорсъ, заканчивающійся полукруглымъ валикомъ, опоясывающимъ весь Кремль. Выше, приблизительно на $2\frac{1}{2}$ сажени, стѣна идетъ уже вертикально, а ея продолженіемъ служитъ парпетъ между зубцами вышиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Такъ какъ наружная высота самихъ зубцовъ въ сре-

днемъ составляетъ 1 сажень, то общая наружная высота стѣнъ отъ основанія до верха зубцовъ можетъ считаться въ пять саженъ. Въ наклонной части стѣнъ (ниже валика на высотѣ одного аршина надъ фундаментомъ) мѣстами еще уцѣлѣли снаружи отверстія бойницъ нижняго или пяточнаго боя, которыя въ восточной половинѣ Кремля имѣютъ широкой горизонтальный раструбъ наружу, а въ стѣнѣ, обращенной къ Дѣвичьему монастырю наоборотъ расширяются вертикально.

Подъ зубцами наружу выходили водостоки (или „водометы“), для отвода со стѣнъ дождевой воды, нынѣ уцѣлѣвшіе только въ участкахъ стѣнъ между Одоевскими воротами, Спасской башней и Пятницкими воротами.

Изнутри толща стѣнъ, подобно всѣмъ прочимъ кремлямъ, нѣсколько разгружена нишами, перекрытыми трех-саженными арками. Внизу этихъ арокъ (черезъ одну или двѣ) виднѣются углубленія съ отверстіями наружу (нынѣ по большей части заложенными). Это и есть тѣ бойницы нижняго или пяточнаго боя, въ которыхъ стояли защитники Кремля, стрѣлявшіе въ неприятелей, черезчуръ близко подошедшихъ къ стѣнамъ. На высотѣ $3\frac{1}{2}$ саженей стѣны имѣютъ ровную горизонтальную настилку шириною въ одну сажень, по одну сторону которой — наружную, стоятъ зубцы, а по другую, внутреннюю, имѣлась невысокая загородка-парапетъ.

Послѣдній уцѣлѣлъ теперь только на стѣнѣ отъ Одоевскихъ до Пятницкихъ воротъ и отъ Ивановской башни до Башни на погребу: въ прочихъ участкахъ стѣнъ онъ былъ окончательно уничтоженъ во время послѣдняго ремонта стѣнъ, произвольно и небрежно съ нарушеніемъ законныхъ правилъ, произведеннаго Городскою Управой. Тамъ, гдѣ этотъ парапетъ уцѣлѣлъ, подъ нимъ видны выходящіе внутрь Кремля каменные водостоки, совершенно подобные наружнымъ.

Зубцы тульского Кремля сложенные, какъ и верхъ стѣнъ, изъ кирпича, отличаются значительной шириной ($2\frac{1}{2}$ аршина) въ сравненіи со своей высотой (4 аршина) и толщиной (14 вершковъ). Это придаетъ имъ характеръ какой-то приземистости, особенно въ зубцахъ восточной половины Кремля, гдѣ они увѣнчаны очень низкими и широкими кокошниками. Наоборотъ, зубцы западной половины отъ Никитской угловой башни и до Спасской, а отсюда до башни Наугольной

къ рѣкѣ имѣютъ нѣсколько болѣе изящный и нарядный видъ. Къ сожалѣнію, всѣ кокошники зубцовъ заложены сверху кирпичемъ и утратили первоначальный характерный видъ роговъ, загибающихся отъ середины зубца къ его сторонамъ. Промежутки между зубцами внизу заложены наружнымъ парапетомъ (подъ гладь стѣны) то равной толщины съ зубцомъ, то меньшей чѣмъ она, отчего получается интересная группировка зубцовъ по два (въ западной половинѣ) и по три (въ восточной половинѣ). Въ одномъ, наиболѣе опасномъ участкѣ стѣны, между Ивановской башней и Никитскими воротами, промежутки между зубцами уже послѣ построения Кремля были заложены до самаго верха, причемъ оставлены только небольшія отверстія для стрѣльбы, прикрывавшіяся сверху навѣсными ставнями, которыя вращались въ особыхъ гнѣздахъ, еще уцѣлѣвшихъ доселѣ по обѣ стороны отверстій. Каждый третій зубецъ тульского Кремля снабженъ бойницей на высотѣ груди человѣка, и каждый участокъ стѣны отличается особой формой этихъ бойницъ. Есть бойницы, расширяющіяся внутрь, наружу или въ обѣ стороны; есть бойницы, покрытыя бѣлымъ камнемъ и снабженныя внизу бѣлокаменной перемычкой, или перекрытыя кирпичными уступами; есть бойницы съ угломъ расширенія всего въ 15° , и бойницы, въ которыхъ этотъ раструбъ доходитъ до 40° . Чувствуется, что разныя группы зубцовъ были сложены разными мастерами каменщиками, которыя, удерживая основную идею, варіировали ее въ деталяхъ во время кладки. Замѣчается и то, что многіе зубцы были переложены современемъ, причемъ бойницамъ была придана новая форма.

Переходя отъ стѣнъ къ башнямъ, мы должны соединить ихъ въ нѣсколько группъ для болѣе удобнаго обзора. Такъ какъ Спасская башня является точнымъ повтореніемъ Никитской угловой, Одоевскія ворота — Пятницкихъ; Водяныя ворота — Никитскихъ; Башня Наугольная къ рѣкѣ — Ивановской, то достаточно обозрѣть лишь Никитскую и Ивановскую башню и Пятницкія и Никитскія ворота, чтобы получить представленіе о всѣхъ башняхъ Кремля. Только Башня на погребу должна быть при этомъ рассмотрѣніи отдѣльно, но и она въ извѣстномъ смыслѣ приближается къ типу Ивановской башни, отличаясь отъ нея главнымъ образомъ только четырехугольной формой.

Ивановская башня имѣетъ въ вышину 7, а Наугольная только 6 сажень. Поперечникъ той и другой равенъ 5 съ лишнимъ саженямъ. Толщина стѣнъ Ивановской башни равна 4 аршинамъ, Наугольной почти 3 аршина. Обѣ башни имѣютъ по три этажа, раздѣлявшіеся между собою двумя дубовыми накатами, или „мостами“, которые нынѣ совершенно сгнили, такъ что въ стѣнахъ остались лишь гнѣзда, на которыя оперались концы балокъ. Нижній этажъ башенъ сложенъ изъ бѣлаго камня, верхніе изъ кирпича. Каждый этажъ за исключеніемъ нижняго этажа Наугольной башни имѣетъ бойницы; въ нижнемъ этажѣ Ивановской башни онѣ сильно расширяются наружу подобно стѣннымъ бойницамъ пяточнаго боя. Бойницы второго и третьяго этажей имѣютъ только слабое расширение наружу и перекрыты кирпичными уступчатыми или полуциркульными сводами. Повидимому, въ верхнемъ, третьемъ этажѣ этихъ башенъ стояли пищали — старинныя мѣдныя и желѣзныя пушки, т. к. бойницы третьяго этажа гораздо шире и выше, чѣмъ узкія и низкія бойницы 2-го и 1-го этажей. Въ самомъ верху башенъ на ихъ стѣнкахъ около зубцовъ, которыми окруженъ внѣшній край, тоже помѣщались люди стрѣлявшіе или въ отверстія зубцовъ, или въ навѣсныя бойницы между зубцами внизъ. Отверстія этихъ бойницъ („машикулей“) видны снаружи подъ зубцами между консолями, которые такъ красиво окаймляютъ верхи угловыхъ башенъ и придаютъ имъ чисто-итальянскій характеръ. Первый и второй этажи Ивановской и Наугольной башенъ сообщаются между собою лѣстницами, выложенными въ толщѣ ихъ стѣнъ; съ этихъ же лѣстницъ имѣются подъемы на стѣны Кремля и выходы изъ перваго этажа внутрь Кремля. Подъ первымъ этажемъ Ивановской башни кромѣ того находится круглый погребъ, покрывавшійся нѣкогда дубовымъ накатомъ. Согласно описанію Кремля въ писцовой книгѣ 1685-го года изъ этого погреба велъ подземный ходъ — тайникъ — къ рѣкѣ, обложенный дубовымъ срубомъ и служившій въ случаѣ осады Кремля для добыванія воды изъ рѣки.

Аналогично съ Ивановской устроена и башня „на погребу“. Тѣ же три этажа, тѣ же слѣды бывшихъ дубовыхъ накатовъ; та же форма бойницъ (за исключеніемъ навѣсныхъ, которыхъ * верхъ этой башни не имѣетъ); тѣ же лѣстницы между этажами, покрытыя мощными плитами и вверху вы-

ходящія на галерею, которая проходитъ на уровнѣ стѣнъ черезъ башню съ внутренней стороны Кремля. Изнутри Кремля видны заложенные нынѣ входы въ первый этажъ башни и въ погребъ, находившійся подъ нимъ, гдѣ хранились боевые припасы и вооруженіе. Къ сожалѣнію, погреба какъ этой, такъ и Ивановской башенъ до такой степени завалены теперь мусоромъ. щебнемъ и землей, что ихъ раскопка является въ высшей степени трудной. Пишущему эти строки такъ и не удалось ни отрыть тайника, ни добраться до основанія погребовъ, гдѣ вѣроятно могли бы найтись какія-нибудь старинныя вещи. Раскопкамъ мѣшаетъ еще и постоянно выступающая изъ грунта вода, наличность которой въ Ивановской башнѣ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ фактомъ, что до послѣдняго года Городская Управа позволяла пользоваться башней владѣльцу сосѣдняго ресторана въ Кремлевскомъ саду для склада льда: съ этой цѣлью въ свое время была даже пробита дверь изъ сада въ нижній этажъ башни и варварски сокрушена четырехвѣковая бѣлокаменная изумительно прочная и красивая кладка.

Переходимъ теперь къ Никитской угловой и тождественной съ ней по конструкціи Спасской башнѣ. Обѣ башни цѣликомъ сложены изъ кирпича и только снаружи до бойницъ 2-го этажа облицованы камнемъ. Вышина обѣихъ башенъ равняется $6\frac{1}{2}$ саженимъ, діаметръ $4\frac{1}{2}$ саж.; толщина стѣнокъ почти одна сажень. Башни имѣютъ по три этажа, изъ которыхъ нижніе перекрыты не дубовыми накатами, а кирпичными сводами сферической формы и вышиною въ $2\frac{1}{2}$ сажени. Сводъ въ Спасской башнѣ нынѣ рухнулъ, но въ Никитской онъ сохранился превосходно, и слѣдуетъ приложить всѣ усилія, чтобы не допускать его разрушенія атмосферными осадками, которые сверху накаплиются на сводѣ вслѣдствіе отсутствія на этой башнѣ (какъ и на всѣхъ остальныхъ) крыши. Нижній этажъ башни снабженъ шестью бойницами пяточнаго боя, нѣкоторыя изъ которыхъ еще виднѣются изъ Кремлевскаго сада на самомъ уровнѣ почвы. Онъ имѣетъ выходъ внутрь Кремля (въ самомъ углу) и лѣстницу для подъема на стѣну, выложенную въ толщѣ этой послѣдней. Второй этажъ Никитской и Спасской башенъ имѣетъ четыре низкихъ горизонтально расширяющихся наружу бойницы второго или средняго боя и снаб-

женъ выходомъ на стѣну. Надъ этимъ выходомъ высокая, въ сажень слишкомъ, дверь ведетъ съ угла стѣнъ въ третій этажъ башни, полъ котораго нѣкогда образовывалъ нынѣ сгнившій накатъ изъ дубовыхъ бревенъ вставленныхъ концами въ гнѣзда въ стѣнахъ башни. Третій этажъ имѣетъ три очень узкихъ и высокихъ бойницы верхняго боя, а также лѣстницу въ стѣнахъ для подъема къ зубцамъ. Здѣсь защитники башни могли обстрѣливать непріятеля какъ между зубцовъ, такъ и въ навѣсныя бойницы, которыя такъ хорошо видны теперь снизу между изящными каменными кронштейнами, поддерживающими зубцы.

Познакомившись съ двумя типами угловыхъ башенъ, переходимъ къ тѣмъ башнямъ Тульского Кремля, которыя служатъ ему воротами. Никитскія и Водяныя ворота, сложенные изъ бѣлаго камня вплоть до настилки стѣны, имѣютъ высоту въ $6\frac{1}{2}$ сажень, а глубину и ширину по 5 сажень. Внутри башни воротъ поляя и имѣютъ проѣзды шириною до пяти аршинъ. Въ виду того, что въ писцовой книгѣ 1685-го года глубина Никитскихъ воротъ показана на 4 сажени больше, слѣдуетъ думать что онѣ имѣли впереди отводную башню (какъ Спасскія ворота Московскаго Кремля), на которую вели ходы пробитые вверху передняго фасада основной башни. Эти ходы теперь снаружи заложены, но изъ внутренней галереи они видны очень хорошо, и другого объясненія для нихъ положительно невозможно сыскать. Раскопки, которыя слѣдовало бы предпринять спереди Никитскихъ воротъ, можетъ быть выяснили бы наличность фундамента этой сломанной отводной стрѣльницы, которая, судя по даннымъ той же книги 1685 года должна была имѣть ширину всего въ 3 съ небольшимъ сажени.

Вообще же говоря, Никитскія ворота вполне сохранили свою основную форму, чего никакъ нельзя сказать про Водяныя ворота, проѣзды которыхъ были значительно расширены (съ опасностью для прочности ихъ сводовъ) въ 60-хъ или 70-хъ гг. прошлаго столѣтія. Тѣ и другія ворота имѣли двойныя дубовыя двери съ наружной и внутренней сторонъ; верхнія крючья отъ этихъ затворовъ видны до сихъ поръ въ Никитскихъ воротахъ, тогда какъ нижніе глубоко занесены землею. Внутри Никитскихъ воротъ въ самомъ низу видны по обѣ стороны бойницы нижняго или пяточнаго боя,

изъ которыхъ можно было обстрѣливать непріятеля вдоль стѣнъ. Вверху, въ толщѣ башенъ Никитскихъ и Водяныхъ воротъ проходитъ галерея, окружающая все внутреннее пространство воротъ и открывающаяся по обѣ стороны выходами на стѣну. Эта галерея снабжена бойницами, какъ наружу, такъ и внутрь. Внутреннія бойницы предназначены для того, чтобы поражать врага, если бы ему удалось разбить наружныя двери и онъ толпился бы внутри воротъ, разбивая внутреннія створы. Изъ галереи же ведутъ лѣстницы на самый верхъ башенъ, гдѣ около зубцовъ и навѣсныхъ бойницъ (уцѣлѣвшихъ только въ Водяныхъ воротахъ) тоже могли находиться защитники, и гдѣ въ XVI и XVII вв. были срублены деревянные шатры — раскаты, прикрывавшіе самыя большія пищали, стоявшія на дубовыхъ накатахъ. На стѣны около Никитскихъ и Водяныхъ воротъ ведутъ изнутри Кремля лѣстницы, заложенные входы которыхъ видны и теперь (напр. изнутри Кремля по правую сторону отъ Никитскихъ воротъ въ 3-ей аркѣ стѣны).

Что касается Пятницкихъ и Одоевскихъ воротъ, то ихъ устройство совершенно другое. Кромѣ того въ Одоевскихъ воротахъ есть столь явные слѣды передѣлокъ, что есть всѣ основанія думать о позднѣйшей перекладкѣ бывшихъ здѣсь какихъ-то первоначальныхъ воротъ. Башни Пятницкихъ и Одоевскихъ воротъ кромѣ обычныхъ проѣздовъ, имѣютъ еще и боковые, въ глубокихъ нишахъ по лѣвую руку отъ входа снаружи Кремля. Эти боковые проѣзды были снабжены дверями, верхнія крючья которыхъ видны и теперь, когда самые проѣзды уже заложены. Трудно судить о назначеніи этихъ тѣсныхъ боковыхъ воротъ, но несомнѣнно, что ихъ сооруженіемъ руководили важныя соображенія фортификаціи стараго времени.

Нижній этажъ Пятницкихъ и Одоевскихъ воротъ оканчивается ровень со стѣной на высотѣ $3\frac{1}{2}$ сажень и какъ стѣна имѣетъ одинаковыя съ нею зубцы съ трехъ наружныхъ сторонъ. Внутри ихъ, отступя на полтора аршина, возвышается еще на $3\frac{1}{2}$ саж. второй этажъ воротъ. Спереди и съ боковъ этотъ этажъ имѣетъ бойницы на уровнѣ пола, приспособленныя къ тому, чтобы обстрѣливать непріятеля внутри воротъ съ высоты перваго этажа. На верхъ второго этажа, къ его зубцамъ ведутъ лѣстницы, а спереди

и сзади онъ имѣеть высокія и широкія но не глубокія ниши, заканчивающіяся вверху арками. Въ этихъ нишахъ въ бывшее время помѣщались желѣзныя рѣшетки „герсы“, которыя по пазамъ, прорѣзывающимъ своды проѣздовъ перваго этажа можно было опускать внизъ, чтобы т. обр. еще прочнѣе запереть ворота отъ непріятели. Пазы для этихъ рѣшетокъ видны до сихъ поръ въ проѣздахъ Пятницкихъ воротъ, тогда какъ въ Одоевскихъ воротахъ, подвергавшихся позднѣйшему ремонту, они заложены. Съ боковъ внутреннихъ проѣздовъ воротъ до сихъ поръ виднѣются входы на лѣстницы, ведущія на верхъ стѣны, и лѣстница Одоевскихъ воротъ, запирающаяся желѣзной дверью, является нынѣ единственнымъ легальнымъ способомъ подняться на стѣны.

Въ заключеніе этого обзора башенъ Кремля слѣдуетъ остановиться по нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, сближающихъ ихъ между собою и говорящихъ намъ о единствѣ и продуманности плана, по которому опытные въ крѣпостномъ искусствѣ инженеры возводили Тульскій Кремль. Всѣ башни, подобно стѣнамъ, расширяются внизу наклонными контрфорсами, которые тоже заканчиваются вверху полукруглымъ валикомъ. Всѣ башни согласно правиламъ крѣпостного зодчества значительно выдаются впередъ сравнительно со стѣнами и представляютъ такимъ образомъ возможность подвергать боковому или фланковому обстрѣлу штурмующаго стѣны непріятели, изъ своихъ боковыхъ бойницъ. Сами бойницы расположены такъ, чтобы этотъ обстрѣлъ являлся наиболѣе цѣлесообразнымъ: въ Башнѣ „на погребу“, въ Никитскихъ и Водяныхъ воротахъ онѣ расходятся вѣерообразно и расширяются на переднемъ концѣ. Кромѣ того, строитель по видимому старался использовать всѣ пустоты (лѣстницъ, переходовъ и выходовъ), чтобы устроить въ нихъ бойницы той или иной формы. Эта черта отличаетъ башни восточной, наиболѣе опасной и самой поэтому прочной части Кремля, на постройку которой было обращено особенное вниманіе. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить и то, что согласно предписаніямъ той же крѣпостной архитектуры, всѣ башни Кремля совершенно изолированы одна изъ другой: каждая имѣеть свои сообщенія съ внутренностью Кремля и со стѣнами; каждая можетъ быть защищаема отдѣльно даже тогда, когда непріятель уже захватилъ сосѣдніе участки стѣны.

Снаружи Кремль подобно итальянскимъ замкамъ былъ вѣроятно обведенъ широкимъ и глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою, черезъ который къ воротамъ вели подъемные мосты.

Такъ былъ построенъ въ 1514—1521 г.г. Тульскій Кремль. Послѣдующія столѣтія внесли нѣкоторыя измѣненія въ его первоначальный видъ, но при отсутствіи всякихъ письменныхъ указаній на нихъ, о передѣлкахъ приходится заключать, непосредственно изучая самый памятникъ. Такъ, можетъ быть уже въ XVI вѣкѣ была устроена деревянная крытая галлерей надъ стѣнами, для чего кокошники зубцовъ стесаны почти на половину толщины. Въ то же время могли быть заложены промежутки между зубцами отъ Никитскихъ воротъ до Ивановской башни, и срублены деревянные раскаты на башняхъ. Затѣмъ повторяю, очень можетъ быть, что Одоевскіе и даже Пятницкіе ворота могли быть переложены до основанія; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что кирпичные подзоры, украшающіе ихъ верхніе этажи, сильно говорятъ объ архитектурныхъ вкусахъ XVII вѣка. Наконецъ въ 1784 году, въ эпоху, любившую все декоративное, Тульскій Кремль былъ заново отдѣланъ, причемъ вѣроятно были сильно искажены кокошники зубцовъ, а Одоевскія ворота получили полу-готическую, полу-татарскую надстройку въ видѣ вышки съ куполомъ, шпилемъ и орломъ. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно по документамъ Тульского Губернскаго Архива, что въ это время сосѣднія Спасская и Никитская башни были покрыты деревянными куполами и шпилями, сгорѣвшими въ пожары 1834 года.

Болѣе или менѣе значительно пострадалъ Тульскій Кремль въ сравнительно недавнее время, когда на него стали смотрѣть, какъ на ненужныя стѣснительныя развалины. О двери, пробитой въ Ивановской башнѣ для помѣщенія тамъ ледника, мы уже говорили. Въ Спасской и Наугольной башняхъ въ свое время тоже были сдѣланы огромные проломы, (нынѣ заложены снаружи) для приспособленія ихъ подъ торговые склады. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ была пробита стѣна между Наугольной башней и Водяными воротами для устройства проѣзда съ берега во дворъ электрической станціи. По стѣнамъ около зубцовъ до сихъ поръ утверждены столбы, несущіе провода электрическаго освѣщенія, которые своей

тяжестью и колебаніями расшатываютъ зубцы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ семи мѣстахъ была пробуравлена насквозь бѣлокаменная саженная стѣна, чтобы притянуть къ ней желѣзными болтами подгнивши деревянное зданіе ресторана въ Кремлевскомъ саду. Наконецъ, въ довершеніе всего, при наскоро и неумѣло предпринятомъ три—четыре года тому назадъ ремонтѣ стѣнъ былъ уничтоженъ почти весь парапетъ и каменные стоки внутри Кремля, и во многихъ случаяхъ искажены арки, перекрывающія внутреннія ниши въ стѣнахъ.

Но, несмотря на всѣ эти частичныя передѣлки и разрушенія, Тульскій Кремль продолжаетъ хранить свой первоначальный видъ полу-итальянскаго замка-крѣпости и служить превосходнымъ памятникомъ стариннаго крѣпостного зодчества. Все его устройство уясняетъ способы обороны, примѣнявшіеся въ XVI и XVII в. в., и наглядно знакомить съ незначительностью гарнизона, потребнаго для защиты крѣпости. Въ стѣнахъ и башняхъ Тульскаго Кремля насчитывается всего около 300 бойницъ, а его вооруженіе тоже было очень скромнымъ на нашъ взглядъ. Вотъ, напримѣръ, каково было это вооруженіе, описанное въ воеводской смѣтѣ 1631-го года.¹⁾ „На городе наряд. На Никитскихъ воротехъ на раскате пищал мѣденая, полуторная к ней по кружалу (т. е. по калибру) 510 ядер желѣзныхъ, вѣсомъ ядро по шти (шести) гривенок.²⁾ В Никитскихъ воротехъ пищал мѣденая сороковая, к ней по кружалу 8 ядер желѣзныхъ, вѣсомъ ядро по гривенке. В наугольной в Никитской башне пищал мѣденая, полковая ж, к ней по кружалу 11 ядер желѣзныхъ, вѣсомъ ядро по полутору гривенки... Въ наугольной Спаской башне пищал мѣденая, девятипядная к ней по кружалу 74 ядра желѣзныхъ, вѣсомъ ядро 3 гривенки безъ четі (т. е. $2\frac{3}{4}$ гривенки). В той же башне пушка мѣденая, к ней по кружалу 85 ядер каменныхъ. В Пятницкихъ воротехъ пищал мѣденая, полковая, птицъ челоуѣкообразен (т. е. съ клеймомъ или гербомъ въ видѣ челоуѣка-птицы) к ней по кружалу 18 ядер желѣзныхъ, вѣсомъ по полутрети гривенки ядро... В Водяныхъ воротехъ пищал желѣзная, литовская, к

¹⁾ „Труды Тульской Архивной Ученой Коммисіи“ II т. стр. 159—161.

²⁾ Гривенки вѣсили нѣсколько менѣе фунта.

ней 30 ядер желѣзныхъ вѣсом по 3 ядра в гривенке“ и т. д. Такимъ образомъ, вооруженіе Кремля было очень скудное — всего 10 пищалей (пушекъ) мѣдныхъ и желѣзныхъ, изъ которыхъ стрѣляли желѣзными и даже каменными ядрами очень небольшого вѣса (не болѣе 5 фунтовъ). Въ двухъ „палаткахъ“, помѣщеніяхъ для оружія, желѣзныя двери которыхъ виднѣются внутри Кремля надъ проѣздомъ Пятницкихъ воротъ, до сихъ поръ еще хранится нѣсколько этихъ маленькихъ наивныхъ гранатъ съ затравками изъ бузинныхъ палокъ. Въ нижнемъ этажѣ Спасской башни подъ каменнымъ сводомъ (въ такъ называемой „казнѣ“) хранилось 48 пудовъ пороху или „зелья“, и 42 пуда свинцу; прочее вооруженіе составляли желѣзные полосы, багры, рогатины, клинья и шести — все, чѣмъ можно было отбросить непріятеля, взбирающагося на стѣны.

Въ другой городской росписи, 1629-го года ¹⁾ перечисленъ, такъ сказать регулярный гарнизонъ Тульского Кремля, который въ десятилѣтія, слѣдовавшія за смутнымъ временемъ, былъ особенно невеликъ въ виду общаго уменьшенія населенія. Оказывается, что Кремль защищало всего 185 человекъ, изъ которыхъ 90, вооруженные наполовину ружьями, наполовину рогатинами, оберегали стѣны, а 95 человекъ, (въ томъ числѣ 30 пушкарей и 65 стрѣльцовъ) обстрѣливали непріятеля изъ башенъ. Всѣ эти люди набирались изъ мелкихъ военно-обязанныхъ помѣщиковъ, т. наз. дворянъ и дѣтей боярскихъ дворниковъ, жившихъ въ Кремлѣ и около него. Къ нимъ, въ случаѣ осады, могла присоединиться и сотня другая посадскихъ жителей, вооруженныхъ тоже ружьями и рогатинами. Эти же посадскіе милиціонеры защищали и тотъ деревянный острогъ-крѣпость, который окружалъ Тульскій посадъ и внутри котораго, какъ сказано, стоялъ каменный Кремль.

Какъ ни незначительна на нашъ взглядъ была эта численность Кремлевскаго гарнизона, она, тѣмъ не менѣе, вполне могла удовлетворять своему назначенію въ XVI вв. Слабость тогдашней артиллеріи не позволяла осаждающимъ пробить въ стѣнахъ значительныя бреши и вынуждала ихъ къ штурмамъ съ лѣстницами, которые довольно легко могли отбить

¹⁾ „Труды Тульск. Арх. Уч. Комм. I т. стр. 185 — 190.

даже немногіе защитники. Скромный арсеналь и немногочисленный гарнизонъ Кремля прекрасно справлялись съ задачей охраны тульского городка въ XVI вѣкѣ, когда только что выстроеннымъ укрѣпленіямъ приходилось преграждать татарскіе набѣги на Московское Государство. Тульскій Кремль сталъ грознымъ препятствіемъ для крымцевъ, которые отнынѣ въ своихъ движеніяхъ на Москву старались обходить новую крѣпость и держаться болѣе восточнаго или западнаго направленія. Одинъ только разъ въ 1552 году, пользуясь сосредоточеніемъ Московскихъ войскъ для предстоящаго похода на Казань въ Коломнѣ, крымскій ханъ Девлетъ-Гирей явился съ тридцати тысячнымъ войскомъ къ беззащитной Тулѣ, ограбилъ окрестности, осадилъ городъ и повелъ на приступъ къ деревянной крѣпости своихъ янычаръ. Приступъ 22 іюня открылся стрѣльбой раскаленными ядрами, зажигавшими деревянные строения посада и Кремля. Положеніе жителей было отчаянное. Гарнизона почти не было. Всѣ окрестныя войска ушли въ походъ на Казань. Гонецъ, отправленный къ царю Ивану Васильевичу Грозному въ Коломну, еще не успѣлъ привести помощи. Тулѣ грозила опасность быть взятой, разграбленной и сожженной; горожанамъ предстоялъ ужасный татарскій плѣнъ и неволя. И вотъ здѣсь-то и оказалось превосходство тульскихъ укрѣпленій передъ яростными атаками татаръ. Скрываясь въ нихъ, туляне мужественно отстаивали родной городъ и тушили занимавшіеся пожары. Татары яростно штурмовали деревянные стѣны на мѣстѣ нынѣшняго Архіерейскаго двора; немногіе защитники мужественно отбивали приступы; артиллерія Кремлевскихъ стѣнъ громила тылъ подступающихъ. Цѣлый день 22-го іюня длилось безуспѣшное кровопролитіе; наконецъ наступила ночь, ужасная для жителей, такъ какъ городъ уже не могъ долѣе держаться, спасенный и на одинъ-то день только благодаря своимъ крѣпостямъ... Но на разсвѣтѣ неожиданно явилось спасеніе: сильное Московское войско форсированнымъ маршемъ двигалось на помощь городу отъ Каширы, и развѣдчики спѣшили уведомить объ этомъ Девлетъ-Гирея. Не желая принять битву у стѣнъ города, ханъ безпорядочно отступилъ къ востоку, и въ это то время при восходѣ солнца, жители, готовые умереть и стоявшіе на стѣнахъ Кремля, увидѣли съ высоты Никитскихъ воротъ, какъ отъ Щегловской засѣки поднимаются

столбы пыли, предвѣщая приближеніе царской помощи. Радость придала тулянамъ необычайную смѣлость. Сдѣлавъ вылазку, они вмѣстѣ съ женами и дѣтьми бросились за отступающимъ татарскимъ арьергардомъ, произвели настоящее побоище и отняли часть ханской артиллеріи. Прочее войско Девлетъ-Гирея было разбито въ окрестностяхъ Тулы московскими полками.

Въ память этого почти чудеснаго спасенія Тулы отъ татаръ въ 1552 году, когда горсточка храбрецовъ, укрываясь за крѣпкими стѣнами, отстояла городъ, на мѣстѣ татарскихъ штурмовъ былъ основанъ мужской Предтеченскій монастырь. Здѣсь были погребены тѣла павшихъ 22-го іюня, и царь Иванъ Грозный, посѣтивъ въ 1555 году Тулу, пожертвовалъ новому монастырю разныя земельныя угодія.

Таковъ самый драматическій эпизодъ изъ исторіи Тулы, свидѣтелемъ котораго былъ нынѣ стоящій Кремль. Пятьдесятъ лѣтъ спустя онъ видѣлъ иныя событія. Тула, какъ извѣстно, одна изъ первыхъ примкнула къ Лжедмитрію I, и, двигаясь къ Москвѣ, Самозванецъ 1-го іюня 1605-го года торжественно и пышно вступилъ въ тульскій Кремль, гдѣ принялъ присягу горожанъ. Во время его двухнедѣльнаго пребыванія въ Тулѣ съ своимъ стотысячнымъ войскомъ, она представляла картину настоящей столицы, куда стекались всѣ бояре и помѣщики, присоединявшіеся къ мнимому сыну Ивана Грознаго.

Послѣ ухода самозванца въ Тулѣ продолжали своевольничить разныя шайки Смутнаго времени, пока наконецъ, въ 1607 г. въ ней не засѣло настоящее мятежное войско Телятникова и Болотникова, примкнувшихъ къ Лжедмитрію II-му. Царь Василій Шуйскій предпринялъ на Тулу настоящій походъ и послѣ неудачныхъ для бунтовщиковъ сраженій подъ г. Каширою и селомъ Мясновымъ (около вокзала Московско-Курской жел. дороги) осадилъ 30-го іюня Телятникова и Болотникова въ тульской деревянной крѣпости. Разныя московскіе полки расположились по холмамъ, на которыхъ стоятъ нынѣ крайнія части города; царская ставка находилась на нынѣшней Милліонной улицѣ; главныя орудія были поставлены напротивъ Кремля на заводскомъ островкѣ, гдѣ нынѣ находится Оружейная школа, и непрерывно громили Кремль, которому его строители, какъ мы видѣли выше, недаромъ съ этой наиболѣе доступной стороны придали наи-

большую прочность. Но въ общемъ осада длилась вяло и слабо; осажденные дѣлали ежедневныя смѣлыя вылазки; кругомъ бродили новыя шайки мятежниковъ, войско царя дезертировало. Такъ прошло безплодно цѣлое лѣто. Засѣвшіе въ Тулѣ бунтовщики несмотря на голодъ не сдавались, хорошо чувствуя, что ни деревянныя стѣны, ни еще болѣе Кремль не могутъ быть взяты приступомъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта осада, если бы Шуйскому не посовѣтовали затопить Тулу и Кремль, насыпавъ огромную плотину черезъ Упу на мѣстѣ села Мясова, которая подняла воду въ рѣкѣ, залившую городъ и вынудившую мятежниковъ къ сдачѣ.

Этимъ эпизодомъ закончилась бурная эпоха въ жизни тульского Кремля. Отнынѣ въ теченіе всего XVII вѣка онъ являлся мирной крѣпостью, въ которой сосредоточивались всѣ правительственныя учрежденія Тулы. Писцовая книга 1685 года превосходно знакомитъ насъ съ тѣми зданіями, которыя находились въ Кремлѣ, и съ тѣми людьми, которые населяли его.

Внутри Кремля тогда не было пустошей, какія находятся въ немъ въ настоящее время. Наоборотъ, онъ былъ очень тѣсно застроенъ. Въ центрѣ Кремля, на томъ же самомъ мѣстѣ гдѣ и нынѣ, возвышался каменный соборъ во имя Успенія Пресв. Богородицы, предшественникъ современнаго, построеннаго въ 1762 году. У Пятницкихъ воротъ стояло подворье Коломенскаго и Каширскаго архіепископа, которому подчинялась тульская епархія вплоть до 1799-го года. У башни „на погребу“ стоялъ дворъ воеводы—тогдашняго военнаго и гражданскаго губернатора; у Никитскихъ воротъ—его канцелярія или „приказная изба“; у угловой Никитской башни—„губная изба“ (уголовный судъ), причемъ въ нижній этажъ этой башни подъ каменный сводъ водили пытать допрашиваемыхъ. Далѣе въ Кремлѣ находилась богадѣльня для нищихъ и убогихъ, таможенный и „кружечный“ дворы (нѣчто вродѣ податнаго и акцизнаго учреждений XVII вѣка), и многочисленныя (числомъ до 100) осадныя дворы и клѣти служилыхъ людей, гдѣ въ мирное время жили сторожа и члены гарнизона—дворники, а въ осадное время укрывались семьи бояръ и помѣщиковъ. Наконецъ на Спасской башнѣ висѣлъ колоколъ, оповѣщавшій жителей о приближеніи непріятеля, а всего чаще объ одномъ изъ тѣхъ пожаровъ, которые регу-

лярно, по нѣсколькѣ разъ въ столѣтіе опустошали Тулу, почти въ сплошную застроенную деревянными избами и деревянными же церквами.

Таковъ былъ видъ тульскаго Кремля въ 1685 году. Начиная съ Петра В., когда для средней Россіи настали вполнѣ безопасныя времена, а тульскій посадъ продолжалъ сильно разрастаться, Кремль началъ понемногу разгружаться отъ своихъ построекъ. Въ то же самое время, къ 1700 году, гніеніе и пожары истребили деревянные накаты и шатры его башенъ и длинныя кровли его стѣнъ. При Екатеринѣ Великой изъ Кремля были удалены наконецъ присутственныя мѣста, а въ эпоху Николая I въ немъ оставались лишь соляные амбары (сгорѣвшіе въ пожаръ 1834 года), гауптвахта, экзерциргаузъ на мѣстѣ нынѣшняго теплаго Собора) и мясные и рыбныя ряды въ видѣ каменныхъ галлерей подъ стиль гауптвахты, которые вмѣстѣ съ нею построили послѣ пожара 1834 г. Эти галлерей шли отъ Спасской башни до Водяныхъ воротъ, и часть ихъ еще уцѣлѣла теперь во дворѣ электрической станціи. Въ то же время послѣ неудачной попытки вернуть прежній величественный видъ Кремлю сдѣланной при Екатеринѣ снаружи Кремль продолжалъ застраиваться всякаго рода лавками и рядами, для которыхъ м. пр. были въ это время пробиты Спасская и Наугольная башни. Эти постройки, это пренебрежительное отношеніе къ внѣшности Кремля со стороны Городскаго Управленія, фактически захватившаго распоряженіе Кремлемъ въ свои руки, продолжается и понынѣ, доходя порою до изумительной профанаціи тульской исторической святыни.

Вплотную къ стѣнамъ Кремля пристроены посудныя и и птичныя лавченки, загромождающія все прясло отъ Пятницкихъ воротъ до Наугольной башни; у Пятницкихъ воротъ пріютился деревянный сарай пчеловодства; половина прясла у Водяныхъ воротъ служить чертвѣртой стѣной для мясныхъ лавокъ; самая нечистота, вонь и шумъ тульскаго базара являются плохимъ сосѣдствомъ для историческаго памятника четырехвѣковаго прошлаго. Въ Кремлевскомъ саду загромождаетъ цѣлый участокъ стѣны примкнутый къ ней ресторанъ со своими гнилыми сараями и выгребными ямами. Низъ башни „на погребу“ совершенно недоступенъ взору наблюдателя изъ-за досчатаго забора, ограждающаго дворъ ресторана, ку-

да выходить эта башня. У Ивановской башни лѣпится избушка сторожа. Видъ на чрезвычайно интересный участокъ стѣны отъ Никитскихъ воротъ до Никитской угловой башни заслоненъ огромнымъ досчатымъ театромъ „Олимпіи“, представляющимъ странное сосѣдство съ Кремлемъ и Соборами. Одоевскія ворота съ одной стороны застроены прилѣпившейся къ стѣнѣ оранжереей, очень быстро разрушающей кирпичную кладку своими испареніями, а съ другой всплошную придѣланными къ стѣнѣ надворными сараями городского дома Имени Александра II, который своимъ неудачнымъ фасадомъ съ претензіями на „ампиръ“ совершенно заслоняетъ Кремлевскую стѣну со стороны главной улицы города.

Наконецъ, (нельзя достаточно надивиться на такое возмутительное сосѣдство), у башни Наугольной и Ивановской, у воротъ Водяныхъ и Никитскихъ примазаны и пристроены безобразные примитивные ретиряды загрязняющіе все въ своемъ сосѣдствѣ и заражающіе воздухъ зловоніемъ. Постройка ихъ Городскою Управой у Никитскихъ и Водяныхъ воротъ (а она произведена въ самые послѣдніе годы) является уже не только преступленіемъ противъ историческаго памятника, но и настоящимъ оскорбленіемъ тѣхъ всѣми чтимыхъ, поставленныхъ по разнымъ обѣтамъ иконъ, которые находятся надъ проѣздами этихъ воротъ и передъ которыми еще не такъ давно теплились нынѣ почему-то уничтоженныя лампы.

Обращаясь снова внутрь Кремля, мы должны отмѣтить, что послѣ того какъ въ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія изъ Кремля былъ удаленъ мясной торгъ, Кремль имѣлъ довольно опрятный видъ. Одно время предполагалось разбить здѣсь красивый садъ и цвѣтникъ, но въ результатѣ дѣло свелось къ вырубкѣ даже существовавшихъ деревьевъ, а въ 1899 году въ силу наивныхъ практическихъ соображеній Городскаго Управленія въ Кремлѣ была сооружена электрическая станція. Съ тѣхъ поръ, являя собою вопіющій позоръ для города, свидѣтельствуя объ отсутствіи должнаго уваженія къ родной старинѣ и святынямъ у мѣстныхъ дѣятелей, эта станція продолжаетъ все болѣе и болѣе загромаждать великій архитектурный памятникъ своими безобразными кирпичными корпусами, заваливать его площадь углемъ, мусоромъ, и столбами; продолжаетъ день и ночь стукомъ и дымомъ нарушать священ-

ный сонъ четырехвѣковыхъ твердынь и представляетъ вызывающій, оскорбительный контрастъ съ молитвенной тишиной соборовъ и происходящими въ Кремлѣ церковными и гражданскими церемоніями.

Какъ бы ни хотѣлось кончить настоящей очеркъ чѣмъ либо болѣе отраднымъ, но въ интересахъ правды приходится отмѣтить еще поразительный фактъ, которому нельзя было бы повѣрить, не будь онъ засвидѣтельствованъ документально, фактъ, что еще не такъ давно, еще въ 1911 году Городское Управленіе стремилось совершенно разобрать Кремль, чтобы воспользоваться его камнемъ и кирпичемъ для разныхъ практическихъ цѣлей. Это стремленіе жило среди мѣстныхъ заправиль уже съ очень давнихъ поръ, но къ счастью оно все время находило для себя разнаго рода препятствія, и Тульскій Кремль, замѣчательный памятникъ начала XVI столѣтія, воистину чудомъ уцѣлѣлъ отъ разрушительныхъ поползновеній XX-го вѣка, пока наконецъ, его не взяли подъ свою непосредственную охрану всѣ тѣ культурные люди, которые дорожатъ отечественной стариной, и всѣ тѣ авторитетныя учрежденія, которыя уже не разъ спасали историческіе памятники Россіи отъ варварства общественныхъ самоуправленій.

Предложенный небольшой очеркъ и написанъ съ цѣлью по возможности распространить и поднять интересъ къ этому древнему сооруженію, которымъ вправѣ и должна гордиться Тула. Его авторъ почтетъ себя удовлетвореннымъ, если эти немногія страницы пробудятъ вниманіе къ тульскому Кремлю тѣхъ, кто еще его не имѣетъ, осмыслять интересъ къ нему у тѣхъ, у кого онъ смутенъ и безотчетенъ, но кто привыкъ, можетъ быть, съ дѣтства, проходя мимо величественныхъ и прекрасныхъ твердынь Кремля, любоваться ими, думать о многихъ поколѣніяхъ, которыя подобно намъ проходили подъ ними, и дорожить этими молчаливыми свидѣтелями минувшей жизни и минувшихъ дѣлъ.